

1. Расстрел

Снег.

Он смягчил в обмороженном пространстве резкие очертания бараков, колючей проволоки, деревьев.

Его уже столько, что невозможно определить направление скольжения снежинок: то ли небо неторопливо затягивает в причудливые сети день, то ли призрачный свет сам расставляет их.

Ветер обессилел и споткнулся о широкие лапы елей, подмятые тяжёлым грузом непогоды.

Рядом с небольшим домом чертыхаясь шумят солдаты, отгребая снег от колючей проволоки.

Проволокой опутан лагерь для заключённых.

В доме, где жил обслуживающий персонал лагеря, захлопали двери, слышались голоса. Для его жильцов начинался трудовой день. От стука проснулся и Виталик.

Мать стояла у окна, зябко поёживаясь. На её худеньких плечах висела тонкая шаль, подаренная Виталькиной бабушкой.

— Мама, — тихо позвал он.

— Проснулся, мой маленький, — она опустила на колени перед койкой и прижалась к его щеке. — Сейчас умоешься и будешь кушать.

— На дволе ветел? — спросил картавя мальчик, разбрызгивая из таза тёплую воду.

— Нет, уже поутихло. Ох, и снега намело! — радостно воскликнула мать. — Быстренько садись за стол, мне уже пора.

— Ма, можно я потом поем?

— Только смотри мне, — она с притворной строгостью погрозила ему, — гуляй возле дома.

Неожиданно щёлкнул один выстрел, второй, третий... Издалека послышался глухой топот копыт, ржание лошадей.

Мальчик соскользнул с табуретки и бросился к окну.

— Мама, мама... Смотри, — отчаянно закричал он, — их убивают...

— Кого?

— Вон... Вон... — он тыкал пальчиком в стекло, дышал на него, ковырял ногтями изморозь. — Видишь?

Теперь она видела. На отгороженной площадке расстреливали лошадей. Солдаты стояли на вышках и гоняли выстрелами лошадей по кругу.

Она вспомнила приказ начальника лагеря капитана Шергаева, который был отдан накануне командиру взвода лейтенанту Агонову: «Всех активированных лошадей расстрелять. Туши вывезти в лес и зарыть...»

— Мама, мама, зачем их так?

— Это больные лошади, сынок. Понимаешь, больные.

— Ну и что? Они ведь тоже хотят жить... — заливался слезами Виталик, вздрагивая всем телом при каждом выстреле.

Скачущих по кругу лошадей становилось все меньше и меньше. Чистый снег перемешался с кровью.

А солдаты всё щёлкали и щёлкали по окровавленным крупам. Лошади хрипели, бросались из стороны в сторону, от проволоки к проволоке и валились навзничь.

Из бараков высыпали заключённые, нахмурившись, наблюдали за расстрелом.

Осталась одна лошадь. Она уже не могла бежать, а лишь медленно брела среди трупов. Малиновая слюна стекала по худой длинной шее и капала под копыта. Пули легко впивались в её тело. После каждого выстрела она мотала головой, шаталась, но брела дальше. Потом у неё подломились передние ноги, и она уткнулась оскаленной мордой в снег.

Выстрелы смолкли.

И тишина, которая сразу заполнила собой всё окружающее, вдруг показалась настолько нелепой, что деревья зашумели, сбрасывая с себя целые горы снега.

Мать вздохнула и наклонилась к сыну:

— Не надо плакать, мой маленький, не надо... Мне тоже их жалко, но что поделаешь...

Она захотела погладить его по голове и уже протянула руку, но ребенок отпрянул назад, а в глазах, переполненных слезами, дрожала такая боль, что мать не решилась прикоснуться к сыну.

— Что поделаешь... Что поделаешь... — захлебывался он. — Взрослые всегда так... Сделают что-то нехолошее, а потом говорят, что так получилось. Когда я выласту, я не буду таким...

— Тебе только шесть лет.

— Ничего, я выласту очень быстро.

Он шмыгнул носом и поплёлся в угол, где на полу лежали книжки.

Мать застегнула бушлат, постояла немного, а потом спросила:

— Ну, я пойду?

— Иди, — безразлично ответил мальчик.

Как только мать завернула за угол дома, Виталик сорвал с вешалки шапку, шубку и, натягивая их на ходу, выскочил за дверь.

Сразу за порогом начиналась тайга. Снег еще нехотя сеялся, но солнце, сжатое со всех сторон облаками, уже освещало верхушки деревьев.

От дома к самому лагерю тянулась тропинка, утопая среди громадных сугробов. По ней катилась маленькая фигурка мальчугана.

— Ты куда? — то ли спрашивая, то ли ругая воскликнул солдат возле проходной.

Он, наверное, замерз. Лицо фиолетового цвета было закутано в широкий воротник тулупа. Даже глаза его от холода стали фиолетовыми.

Виталик знал всех, но этот солдат был ему незнаком. Он нерешительно остановился.

— Я кого спрашиваю? — послышалось снова откуда-то из тулупа.

— К маме, — прошептал мальчик, закусив нижнюю губу.

— Я тебе дам «к маме», марш домой.

— Что тут происходит? — около солдата остановился Аносов.

Солдат вытянулся:

— Товарищ лейтенант, он на территорию...

— Пропустите. Это Валин сын..

— А я разве что... Я ничего... Пусть себе идёт. — Передёрнул плечами, продолжая бурчать. — Валин сын. А кто она такая?

— Рядовой Игнатъев, отставить разговорчики, — оборвал его лейтенант, а потом добавил. — Не спешите. Ещё узнаете. А его, — он кивнул в сторону мальчика, — не смейте обижать. Иди, иди, — подтолкнул легонько Виталика в спину.

За проходной КП Виталик оглянулся: Андрей Иванович Аносов свернул к штабу, а солдат опять спрятал глянцевого посиневшее лицо за воротник тулупа и, притоптывая на месте, казалось, пританцовывал.

2. В бараке

В каждом бараке у Виталика были свои знакомые, и даже друзья, которые мастерили мальчугану забавные игрушки, рассказывали занимательные истории, сказки. И он любил эти игрушки и сказки. Игрушки всегда были красивые и весёлые, а сказки почему-то грустные, но зато с хорошим концом.

И вот сейчас он остановился в нерешительности: в какой барак идти? Ближе всех был десятый. К нему и свернул Виталик.

— Марфа, твой воспитанник явился, — крикнул кто-то хриплым голосом, как только мальчик прикрыл за собой дверь.

Он поднял голову. На втором ярусе нар сидела молодая женщина, свесив худые ноги в неуклюжих ботинках.

— Чего вытаращился? — захрипела она и заразительно зевнула, показывая два ряда ровных красивых зубов. — Там твоя Марфа. — Она неопределённо и вяло махнула рукой куда-то в глубь барака.

— Я тут, Виталик, — к нему, тяжело дыша, спешила грузная женщина, — Приболела я малость, — добавила извиняясь. — А ты чего, бесстыжая, мальчонку-то пугаешь, — укоризненно заметила она женщине в ботинках.

— Да катись ты со своим пацаном... — злобно ругнулась та. И выдавила: — чистошлюйка.

— Пойдём отсюда, пойдём. — Марфа взяла мальчика за руку. А вслед неслись ругательства и злобный крик:

— Хорошая стала, лярва... Видали мы таких. Всё равно подохнешь вместе с нами. А на том свете все одинаковые.

— Бог с тобой, Бог с тобой, — набожно крестилась её соседка.

— Заткнись, сука христовская.

— Я молчу, молчу, молчу... — всё так же крестясь, испуганно бормотала та.

— Я потом плибегу, можно? — спросил Виталик, пятясь к двери.

Марфа погладила его ласково по голове:

— Не обращай внимания. Наташка часто такой бывает. А вообще она неплохая. Новенькая. Её из другого лагеря к нам перевели. — Она пододвинула табуретку. — Да ты садись, садись.

— А почему у тети Наташи такие большие ботинки?

— Она нарочно их надела.

— Зачем?

— А чтобы не работать, малолетний дурак, — отозвалась тётя Наташа, — и хорошо жрать.

— Она в ботинки наложила камней. Втиснула туда ноги и крепко зашнуровала. А если посидеть на нарах несколько часов, ноги набрякают и человека направляют в санчасть, — объяснила Марфа.

— Пусть только твой выродок продаст, — тётя Наташа опять выругалась, — попомнишь тогда меня, Марфа.

Дверь громко хлопнула. Кто-то рядом зашикал: «Тише, хозяйка пришла». И несколько человек сразу закричало:

— Привет начальнице...

— Быстро лезь под нары, — зашептала Витальке Марфа. — А то нагорит мне за тебя.

Мальчик забился в уголок под нарами и замер. Сначала он еле различал тихий грудной голос матери среди тесного сплетения орущих глоток заключённых: «Опять было тухлое мясо... Сама пей час без заварки... Задавила сухой картошкой... Конину давай...» Затем он увидел совсем близко мамины валенки.

— Марфа, — спросила мама, — ты Виталика не видела?

Марфа, видно по обыкновению, передёрнула плечами, потому что мама растерянно удивилась:

— И куда он мог деться? Мне сказали, что он в этом бараке.

Дверь снова хлопнула. Марфа заглянула под нары:

— Вылазь, ушла уже. Посидишь немного и домой, — она наклонилась к мальчику. — Я сделала для тебя пепельницу, из морской раковины. Не веришь? — спросила она, заметив недоверчивый взгляд мальчика. — Вот посмотри. — Марфа бережно достала из-под подушки пепельницу. Погладила ее зачем-то, а потом протянула Виталику: — Держи, — и тихо добавила. — На память обо мне...

3. Столкновение

Длинный неудобный барак, когда-то приспособленный под штаб, стоял в стороне от прочих сооружений на небольшом пяточке лагеря, отделённом от него двумя рядами колючей проволоки с узким проходом, который всегда охранялся часовыми, а ночью — ещё и собаками, хотя в этом не было никакой надобности. Побег был практически невозможен. Офицеры, служившие тут не один год, рассказывали, что за всё время лишь несколько человек пытались покинуть пределы лагеря. Но тщетно. Некоторых находили замёрзшими в тайге, а другие возвращались сами в изорванной одежде, с исцарапанными и измороженными лицами.

На сотни километров вокруг властвовали тайга и болота. Узкой лентой змеилась лежневка¹ в Россию. По этой дороге привозились продукты, а иногда и почта. По этой дороге поступало новое пополнение в лагерь из числа воров, жуликов, взяточников, стяжателей, растратчиков и прочих нездоровых элементов, как их ещё иногда называют. Начало этой дороги служило благословением заключённым, отбывшим свой срок и возвращавшимся по ней к человеческой жизни. А многие, прибывшие в лагерь по этой дороге, так больше никогда на неё и не ступили...

Виталик тоже приехал сюда по этой дороге. Но когда — никак не мог вспомнить. Иногда ему казалось, что он и родился тут, в лагере, за колючей проволокой. Но эта дорога тоже манила его и звала за собой. Он давно уже отвык от живых детских голосов. Дети ему только снились. Однажды, сидя у мамы в кабинете, он услышал, как за дощатой стеной Сергей Шалвович Шергаев с кем-то разговаривал по телефону. «Что же прикажете мне делать, — басил

¹ Лежнёвка — Сбитые и уложенные на вязкий грунт брёвна, предназначенные для проезда транспорта.

Сергей Шалвович, — уволить ее? Рапорт за рапортом подаёт. Сынишке-то в школу пора...» Потом он замолчал и только изредка односложно соглашался: «Да, да, да...» А в конце разговора грустно вздохнул: «Ну что ж, придётся переводить».

«Это про нас, — обрадовался Виталик. — Мы уедем отсюда. Да, мама?» — спросил он.

«Станет работы поменьше, уедем», — сказала она.

Но шли дни, месяцы... Они не уезжали, и работы не уменьшалось. Мать приходила домой поздним вечером усталая, издёрганная. А по ночам плакала. Утром уходила в лагерь с мешками под глазами. Когда это случалось, Сергей Шалвович вызывал её в кабинет. «Так, так, — начинал он сердито, расхаживая из угла в угол, — гм... Так, так... Ну что мне с тобой делать? Значит так: сейчас иди домой, успокойся. А потом придёшь. Завтра мы что-нибудь придумаем».

И мать уходила. А завтра повторялось всё сначала. Офицеры между собой по этому поводу зубоскалили: «Что-то тут нечисто». Постепенно слухи просочились к заключённым и на долгое время стали темой их разговоров: «Неужто это правда?» — удивлялись одни. «Не может быть», — возражали другие. Третьи сомневались: «Валя совсем ещё молодая... Да и зачем ей плешивый хахаль? Собака после гонореи и то краше». Но все они пришли к единодушному мнению, что как бы там ни было, а Валю отпускать нельзя. Пусть себе живёт с «плешивым». Школы нет — тоже не беда. Можно открыть. За учителями задержки не будет (среди заключённых была кандидат исторических наук). Её и избрали директором «школы».

Узнав об этой затее, Сергей Шалвович сначала нахмурился, а потом улыбнулся и махнул рукой: «А что? Годится», — скуластое лицо засветилось радостью. — Отведем какую-то часть барака, и пусть себе учится на здоровье». Но когда он поделился своей радостью с оперуполномоченным Павлом Игнатъевичем Агоновым, тот рассудил иначе: «Во-первых, товарищ капитан, этого делать нельзя. Наступил самый ответственный период. После смерти Сталина мы должны мобилизоваться, никаких послажек. А во-вторых... Посудите сами. Чему может эта шваль научить ребенка? Но я волнуюсь сейчас даже не об этом. Допустим, он будет тут учиться, жить... А не получится ли так, что мы вырастим преступника?»

Сергей Шалвович рассердился: «На этот раз, дорогой Павел Игнатъевич, вы хватили через край».

Когда он злился, его лицо желтело, а лысый череп покрывался капельками пота и постепенно заливался краской. Волосатые мясистые пальцы судорожно начинали выбивать прерывистую дробь. В таких случаях присутствующие, зная крутой нрав начальника, старались немедленно покинуть кабинет. Но Павел Игнатъевич и не думал уходить. Он не спеша вынул из кармана пачку «Беломора», размял папиросу и затянулся. «Я давно хотел с вами поговорить, — сказал он, — как коммунист с коммунистом. Всякие разговоры ходят по лагерю. Ладно, уж, если бы только между нами — заключённые смеются». «Я вас не понимаю, — резко ответил Сергей Шалвович. — В конце концов, это моё личное дело...» «Ваше? Ошибаетесь. Начальник лагеря путается со своей подчиненной, надзирательницей...» «Прекратите!» — закричал не своим голосом

Сергей Шалвович, брызжа слюной. «Сейчас же прекратите», — выкрикнул он ещё раз и боком опустился на стул. «А зачем же нервничать, — спокойно возразил Агонов. — Свичарская молодая, одинокая. Недурна собой. Можно даже сказать красивая. Но нельзя же втоптывать женщину в грязь. Или вы думаете, что вам всё позволено? И к тому же вы ей в отцы годитесь».

Шергаев достал из стола несколько таблеток, проглотил, и устало прикрыл глаза. Его грузная фигура ссутулилась отчего он приобрел поразительное сходство с кулем муки. Павел Игнатьевич что-то ещё говорил, но странное дело Шергаев не слышал его слов. Он только отметил про себя, что у лейтенанта красивые губы. Для мужчины, пожалуй, слишком красивые. Они как-то нехотя и причудливо изгибались, когда их владелец выплёвывал новую порцию беспочвенных обвинений, которых он, старый человек, боялся. И боялся совсем не потому, что они задевали его самолюбие, нет. Просто он тревожился за судьбу женщины, которую (так он думал), не будь его рядом, обидит ни за что каждый. И в первую очередь этот слюняй, наведавший и незнавший о жизни ничего, кроме инструкций и предписаний из управления. «И выговоров у него будет поменьше, чем у меня, — подумалось еще Шергаеву, — когда займёт моё место». Он вспомнил, как в первый раз увидел Валентину.

Его вызвали в управление. После совещания полковник Харькин его оставил: «Небольшой сюрприз, Сергей Шалвович, — объяснил он. — Лагерь у вас женский. А женщине с женщиной легче воевать, как вы думаете?» Капитан Шергаев растерянно развел руками: «Не знаю, товарищ полковник». «А я знаю, — рассмеялся он. — Так вот, несколько женщин-надзирательниц у вас уже есть. Направляем к вам старшей надзирательницей ещё одну. Сейчас представлю». Через несколько минут в кабинет постучали, и на пороге появилась девушка: «Вы меня вызывали?» — обратилась она к полковнику. «Да, да, проходите, — ответил он. — Вот, познакомьтесь, Сергей Шалвович, — Валентина Антоновна Свичарская». Шергаев машинально протянул руку и ощутил тепло маленькой ладони.

Шергаев посадил Валентину Антоновну с сынишкой в кабину «полуторки», а сам устроился в кузове на двух громадных чемоданах новой подчинённой. Всю дорогу и уже потом, в лагере, когда он определил Свичарскую в одну из пустующих комнат дома, Сергей Шалвович пытался представить себе эту совсем ещё молодую женщину среди орущих заключённых. И не мог. Ему казалось, что она не выдержит изо дня в день находиться в мерзком и низком окружении. Предупредив всех заключённых о появлении нового человека в лагере, Шергаев предпринял все меры предосторожности. Но странное дело, люди, которые не подчинялись окрикам солдат и офицеров, слушали Валентину беспрекословно, хотя она никогда не повышала голоса. И все-таки Шергаев боялся за неё.

И не эта ли, возможно, излишняя опека с его стороны и породила за его спиной сплетни. Он признавал свою вину лишь в том, что не хотел отпустить Валентину. Но на это были свои причины. Он боялся, что с её отъездом заключённые снова выйдут из повиновения. А ещё эта женщина очень напоминала ему Валю. Его Валю, которая умерла в сорок первом у него на руках...

Агонов встал, одернул гимнастерку и сухо проговорил: «Я буду звонить в управление». Сергей Шалвович остался без движения, только вяло махнул рукой.

4. Раковина

— Где ты был? — бросилась мать к сыну, когда он зашёл к ней в штаб. — Я уже обыскалась...

Виталик опустил голову. Носком валенка елозил по полу и молчал. Мать покачала головой:

— Опять в бараке, — огорчилась она, заметив в руках пепельницу. — Ну и нагорит мне когда-то за тебя...

Она пододвинула табуретку к печке...

— Горюшко ты моё, раздевайся и садись сюда, погрейся. Не руки, а ледышки, — сказала она, помогая Виталику снять шубку.

Рассматривая пепельницу, она удивилась:

— Какая тонкая работа. Это же натуральная раковина! Как она попала в лагерь? Кто тебе её дал?

— Малфа.

— Марфа? Неужели из Одессы привезла? Как же она уберегла раковину при обыске? Посиди тут, — она быстро вышла с пепельницей из кабинета.

Капитана Шергаева у себя не было, и она зашла к оперуполномоченному. Лейтенант Агонов сидел за столом и просматривал личные дела заключённых, готовясь к амнистии.

— Свичарская? — Агонов приподнялся из-за стола. — Проходите, садитесь. — Он пододвинул ей стул. — Я вас слушаю.

— Товарищ лейтенант, понимаете, мне показалось странным... — волнуясь, начала разговор Валя.

— Что именно? — перебил её Агонов, в упор рассматривая женщину и отмечая про себя, что она действительно привлекательна и что его начальник не дурак. Он поймал себя на том, что даже завидует ему. Больше того: не отказался бы побыть на его месте. А как она прекрасна, когда волнуется! Еле заметная бледность ровно проступает на лице. А глаза постепенно темнеют, темнеют...

— Да, да, я вас слушаю, — спохватился он, заметив недоуменный взгляд женщины.

— Вот, — она поставила на стол пепельницу.

— Красивая. Откуда она у вас? — заинтересовался Павел Игнатьевич.

— Сын принёс... Марфа ему подарила... — начала сбивчиво объяснять Валя. — Я боюсь, как бы она с собой ничего не сделала.

— Почему?

— Ведь Марфа из Одессы. Её там судили, понимаете? И эту раковину она наверняка привезла с собой. Четыре года прятала в бараке, а теперь вдруг отдала...

— Ну и что?

— Человек никогда добровольно не расстанется с вещью, которая ему хоть чем-то напоминает родные места, близких...

— Успокойтесь, — улыбнулся Агонов. — Ваша Марфа не такая сентиментальная, как вы. Ей плевать... — он махнул рукой. — А пепельницу отдайте сыну, пусть играет. Забавная безделушка, — сказал он, возвращая раковину.

— Можно идти?

Агонов кивнул головой и сразу спохватился:

— Хотя подождите... Я вот о чём давно хотел у вас спросить. Вы вправду собираетесь уволиться?

— Да, — тихо ответила Валя.

— А почему? У вас ведь есть работа, хороший оклад, паёк...

— У меня же сын растёт. Ему учиться надо... Товарищ капитан вот не хочет отпускать...

— А вы уезжайте вместе с ним, — подсказал Агонов.

— Как это «вместе с ним»? — не поняла Валя.

— Скоро Сергею Шалвовичу на пенсию. Вашему сыну нужен отец, а вам муж...

— Да вы что? — возмутилась женщина. Щёки её стали пунцовыми, даже уши порозовели.

— Ну, извините, Свичарская, — ухмыльнулся Агонов, — если я вас обидел. Это я так, пошутил.

Он смотрел, как она торопливо уходила. Тонкая её фигурка легко выскользнула из кабинета. «Хороша», — не без восхищения еще раз отметил про себя Павел Игнатьевич.

5. Волки

Их было много. Они и раньше изредка появлялись возле дома и проволоки, дразня сторожевых псов, которые приходили в неопишную ярость: длинная и густая шерсть на загривках приподнималась и выдавала нервную дрожь собак. Они бросались на проволоку и захлебывались неистовым, переходящим в хрипение лаем. Волки их не боялись. Волки не обращали на собак внимания: они были заняты более важным делом — искали пищу. Они опасались лишь сторожевых вышек, откуда солдаты открывали беспорядочную пальбу, иногда удачную. Так было и на этот раз.

Стая цепочкой шла за своим вожакон по пятнам крови, которые остались после расстрела лошадей. Возле дома они разделились на две группы. Большая прижалась к стене, а вторая, с вожакон, припала к снегу и медленно двинулась дальше.

Лучи прожекторов выели кусок ночи возле наружного ряда проволоки. Темнотой, которая властвовала вне лагеря, пользовались волки, но всегда безрезультатно. Лишней еды в лагере не было. На этот раз внимание зверей привлекли громадные бочки. Выставленную бочкотару давно собирались отправить из лагеря. Ждали транспорт. Когда-то эти бочки были наполнены до краев сельдью, теперь они только сохраняли запах.

Собаки учуяли волков, злобно, время от времени, рычали. Вожак резко оттолкнулся от слежавшегося снега. Его тощее тело, оторвавшись от земли, почти сразу завершило полёт и исчезло в бочке. Ещё несколько теней метнулось к бочкам. И в это же время раздались выстрелы, покрывая захлебывающийся лай собак.

Виталик не спал. Он укутался в одеяло до самого подбородка и смотрел в окно. Выстрелы слышались со всех сторон, но ничего не было видно, по крайней мере, из окна.

Неожиданно к стеклу прижалось чье-то лицо. Виталик присмотрелся и вздрогнул: громадный волк заглядывал в комнату. Потом он как-то странно помахал перед собой лапой и вдруг со всего размаха ударил по стеклу наружной рамы. Мелкие кусочки посыпались на снег. Волк исчез...

Мальчик осторожно, чтобы не разбудить маму, сполз на пол. Возле печки нащупал кочергу, подошел к окну. Выстрелы прекратились, и собаки замолчали, опять воцарилась тишина.

Утром Виталик никак не мог проснуться. Он явственно слышал шаги мамы, запах варёной картошки, знал, что уже не спит, но открыть глаза никак не мог. Тут он вспомнил про ночного гостя и сразу вскочил.

Мать рассмеялась и дала ему зеркало:

— Посмотри, на кого ты похож...

Только сейчас Виталик заметил, что до сих пор сжимает в руках кочергу и которую обнимал целую ночь. Руки, лицо, ноги были в саже. Чёрные полосы остались и на постели.

— Я сегодня крепко спала, — сказала она, — ничего не слышала. А ты даже воевал...

Она подошла к сыну и забрала у него кочергу.

— Много было волков?

— Я видел только одного, большого-большого.

— Который нам окно разбил?

— Ага.

Мальчик уже плескался в тазу, размазывая руками сажу.

... Убить удалось четырех волков. Трех вытащили прямо из бочек, а последнего нашли ещё живого далеко от лагеря. Когда солдаты направились к нему, попытался встать. Но лапы уже не слушались, подгибались. И все-таки он встал, сумел даже чуточку проковылять в сторону людей, а потом упал.

— Готов, — сказал один из солдат, ударив несколько раз сапогом по рёбрам зверя, и протянул: — Ну и худющий.

Волков свалили в яму и забросали снегом. А через четверть часа о ночном происшествии и не вспоминали: из барачков выходили заключённые и выстраивались возле проходной. Конвой, разбив их на бригады, уводил работать на лесоповал.

— Все? — спросил капитан Шергаев у надзирательницы Софии Кротовой, когда последняя бригада покинула лагерь.

— Да, товарищ капитан. Все, кроме Гурьевой из десятого.

— А что с ней?

— Опять что-то с ногами. Отправили в санчасть.

— Проверим бараки и сможете отдохнуть, — сказал Сергей Шалвович.

Нары в десятом бараке были аккуратно застелены. Позднее утро, скуное на свет, казалось, не хотело или боялось заглянуть в узкие окна. Полумрак прятался по углам и не собирался убраться оттуда. Спёртый и кислый воздух затруднял дыхание.

— Сколько раз я требовал проветривать помещения, — недовольно произнес Сергей Шалвович. — Тут задохнуться можно...

— Ой! — неожиданно вскрикнула Соня. — Товарищ капитан, — испуганно позвала она, — смотрите.

Лицом вниз на нарах лежала женщина, наполовину укрытая одеялом. Руки по локти были прижаты животом, одна нога свесилась с нар.

Шергаев отбросил в сторону одеяло и окаменел: на простыне засохли потеки крови.

— Помогите, — шёпотом попросил он Сою.

Они вдвоём осторожно перевернули женщину на спину. Капитан быстро взял холодную руку заключённой, но пульс не прослушивался, сердце уже не билось.

— Быстро в санчасть, — приказал Кротовой. — Хотя не надо. Поздно, — передумал Шергаев.

Он нагнулся и поднял с пола кусочка тонкого стекла с запекшейся кровью: «Откуда оно?» Запрокинул голову. Под потолком разбитая лампочка.

Кротова, не понимая куда смотрит начальник, тоже посмотрела вверх.

— Она разбила лампочку и стеклом порезала вены, — Сергей Шалвович поморщился и направился к выходу. — Распорядитесь, чтобы её убрали отсюда.

Сергей Шалвович не на шутку встревожился. В его лагере самоубийств ещё не было, за что его изредка ставили в пример начальникам других лагерей. Умирать умирали, на самоубийств не было. Правда, случалось иногда, что заключённые пытались порезаться или причинить себе ещё какие-нибудь увечья, но это делалось из других побуждений: человек получал несколько дней отдыха.

Просматривая личное дело Марфы Алексеевны Николаевой, бывшего главного бухгалтера строительного треста, капитан почти не обращал внимания на скудные анкетные данные. Они его не интересовали. О жизни этой женщины он знал намного больше из других источников.

Не так давно, года три назад, в лагере появилась мать заключённой, совсем дряхлая старушка. Она не плакала, как это делали приезжие родственники, и ни о чём не просила. Просто положила на стол целую стопку грамот, характеристик, каких-то справок. Когда он спросил, зачем ему эти бумаги, она, стыдясь своей нескромности, сказала: «А ты, сынок, не серчай... В этих бумажках-то вся жизнь моей Марфеньки. Что ни год, то давали... И на тебе — вор...» Он и не сердился. Он даже разрешил свидание с дочерью и помог старухе добраться до ближайшей станции. А грамоты действительно вручались Николаевой часто. Но был и суд за растрату...

Когда он заинтересовался делом Николаевой, его неожиданно предупредили: «Начальник лагеря — не адвокат. Занимайтесь своей работой». Позже Шергаев узнал, что в растрате был повинен управляющий трестом и что его тоже судили.

Сергей Шалвович отложил дело в сторону, подошёл к окну. Тяжело вздохнул: «Старею. Нервы что-то пошаливают. Неужели своё отработал?»

В кабинет заглянула София Кротова:

— Товарищ капитан, Николаеву забрали.

— А постель?

— Уже сменили.

Он кивнул головой.

— Хорошо. Агонова ко мне.

София исчезла. И сразу же появился лейтенант Агонов. «Все собрались», — удовлетворённо отметил Шергаев.

— Андрей Иванович, займитесь похоронами. Николаева в холодной.

Агонов ожидал приказаний, но их не было. Шергаев отвернулся к окну и глухо обронил:

— Похороните как следует...

Агонов вышел. Его уже ждали лейтенант Аносов и старшина Якунин:

— Ну как он?

— Как, как?.. Ясное дело, переживает...

Дверь тихо отворилась. На пороге стоял Сергей Шалвович:

— Заходите.

6. Разбор

Свичарская черкала красным карандашом по листу бумаги и молчала. Кротова стояла, низко опустив голову. Ещё четверо надзирательниц сидели чуть в стороне.

— Товарищ сержант, — оправдывалась Соня, надув и без того полные губы, — я несколько раз проверяла бараки... Всё было тихо... Я бы никогда не подумала на Николаеву...

— Она так хотела вернуться на волю, — грустно вставила молчаливая Оксана Пыталева или, как её называли между собой заключённые, тётушка Оксана.

— Да, хотела... — покачала головой Свичарская. — Выговор, Кротова, вы уже себе заработали. Слово теперь за начальником.

— Может уволить? — испугалась Соня.

— К сожалению, может.

Настойчиво зазвонил телефон. Свичарская взяла трубку.

— Да, да, я. Да... да... Есть. — Послышались гудки. — Ну, вот. К себе требует, — она развела руками. — Так, товарищи, можете быть свободными. Все, кроме Кротовой.

— И меня вызывает, — вздрогнула Соня.

— Да.

Шергаев стоял возле шкафа и пытался поставить книгу на верхнюю полку, но никак не мог до неё дотянуться. Он пыхтел. Даже приподнимался на носках, но ему мешал живот. Свичарская и Кротова в нерешительности остановились. Валентина Антоновна громко кашлянула. Шергаев растерялся, неожиданно покраснел и выпустил книгу из рук. Потом нагнулся, поднял и положил на стол.

— Заходите, заходите... Почему я вас вызвал, надеюсь, знаете, — рокотал Сергей Шалвович, поудобнее усаживаясь. — Дело не столько в самоубийстве, сколько в вашей халатности. Не я ли вас спрашивал, — обратился он к Кротовой, — все ли бригады отправились на работы? Что вы мне ответили?

Кротова перебирала пальчиками складки гимнастерки и молчала.

— Вы даже не заметили исчезновения Николаевой. В итоге просмотрели человека. А кто будет бороться за человека, как не мы с вами?

— Товарищ капитан, я...

— Что я? — закричал Шергаев. — Нет «чепэ», — можно ничего не делать... Не позволю! Не можете работать — давайте рапорт. Я давно это вам предлагал.

Его голос задрожал на высокой ноте и сорвался. Шергаев схватился за грудь и затрясся от кашля. Свичарская налила в стакан воды и подала Сергею Шалвовичу.

— Спасибо, — прохрипел он.

Соня плакала. Тихо, почти беззвучно. Увольнение испугало её. В свои тридцать лет Кротова была тем великовозрастным ребёнком, который нуждался в постоянной защите и которого одолевал панический страх перед неизвестностью. Этот страх родился давно, в один из звёздных рассветов детства, когда бандиты вырезали половину села. Выплакавшись над растерзанными телами матери и отца, Соня навсегда покинула родные места. Страх гнал ее в глубь страны. Выросшая в детском доме, она осталась в нем воспитательницей. А в начале войны вместе с детьми эвакуировалась на Урал. Возможно, она так и работала бы воспитательницей, если бы не Николай. Тихая и скромная девушка приглянулась путевому обходчику. А она, в благодарность за внимание, их сочувствия к юноше, израненному на фронте, согласилась стать его женой. Но непродолжительным оказалось счастье. Ровно через год, спасая из-под колёс поезда ребенка, Николай погиб сам. После похорон мужа Соня не могла больше оставаться в этом городе. Нехватка надзирательниц в лагерях для женщин и решила дальнейшую судьбу Кротовой. Так она оказалась на Севере.

Соня плакала. Громко, навзрыд. И совсем по-детски. Сергей Шалвович всё ещё тяжело дышал, прижавшись к спинке стула. Свичарская внимательно рассматривала муху, которая невесть откуда появилась среди зимы и сонная ползала по полу.

Шергаев вытащил из кармана носовой платок и промокнул на лбу крупные капли пота.

Он поднялся из-за стола. Брезгливо попросил:

— Перестаньте реветь, что ли...

А для себя пробурчал: «Чёрт знает что. Детский сад собрался». Видя, что Кротова ожидает каких-то определённых слов, он объявил ей выговор и пригрозил:

— Малейшее нарушение замечу, выгоню.

Ошалевшая от радости, Соня согласно кивала головой и пяtilась к двери. Шергаев смотрел ей вслед, и как только Кротова исчезла, удивился:

— Как всё-таки мало человеку надо для счастья? Всего пара успокаивающих слов. А сколько ещё будет горьких минут в жизни этой самой Кротовой!.. И может сломаться. Люди такого склада рады каждому доброму слову. Обидно

только, что эти слова мы стесняемся произносить громко... Стараемся обойтись без них.

Валентина Антоновна никогда ещё не видела своего начальника таким взволнованным. Возбуждение молодило его, делало привлекательнее. Сергей Шалвович открылся ей с незнакомой стороны.

— Товарищ капитан, я могу быть свободна? — осторожно спросила Свицарская когда Шергаев замолчал.

Он её не слышал.

— Не так мы работаем, Валя, — Сергей Шалвович вздохнул. — Не так. Ты знаешь, что мне час назад заявил Агонов? «Может, памятник Николаевой поставить?» Даже страшно, что такие люди распоряжаются чужими судьбами...

— Вам надо отдохнуть, товарищ капитан.

— Да, наверное, уже пора. Как твой малец?

— Ничего. Спасибо.

— Сейчас трудно отсюда выбраться. До весны подождешь?

— А у меня и отпуск весной...

— Оставь в покое свой отпуск. Я имею в виду — совсем.

— Как совсем?

— А вот так. Чьи это рапорта? — Шергаев положил на стол несколько листочков бумаги. — Не мои же... — Молчи, молчи, — усмехнулся капитан, понимая, что разволновавшаяся женщина хочет что-то сказать. — Куда поедешь, если не секрет?

— Домой, к маме.

— Значит на Украину, — уточнил Шергаев и мечтательно добавил. — Сады..

7. Отъезд

Пришла весна. Снег засосало болото. В конце лета оно обычно становилось приютом комаров и издавало неприятный запах. Весна постепенно растворила в ежедневных заботах и тревогах. Жизнь в лагере шла своим чередом: то размеренная и тихая, то насыщенная всевозможными выходками заключённых. Отсидев несколько суток в карцере, потолок которого даже летом не покидала изморозь, дебоширы успокаивались. Но ненадолго. О Николаевой почти не вспоминали. Да в этом и не было никакой необходимости. С одной стороны, её робкая, скрытная натура удивляла и даже интриговала окружающих её людей только при жизни, а с другой — её забыли через несколько недель после похорон ещё нескольких самоубийц, уставших ждать амнистию. Лишь изредка кто-то из конвоя, везя на кладбище очередной труп, зло шутил: «Удачной оказалась Марфа на почин». Ещё вспоминала Николаеву Валентина Антоновна. Но она мало думала о самой женщине, больше о её смерти — предчувствуя исход, она ничего не смогла сделать, чтобы предупредить его. И винила себя в этом. Чаше матери, пожалуй, вспоминал Марфу Виталик. Сначала долго плакал. А потом успокоился, часами сидел молча и смотрел на раковину. Он даже перестал ходить в зону. Свицарская заметила, что сын изменился. Стал угрюмым и замкнутым. И отнесла это за счет проявления особых черт характера ребёнка.

В один из солнечных дней к лагерю, по лежнёвке, прибыла машина из управления. Шофёр вынес из кабины на руках старую женщину и поставил её на сухое место. Заглушив мотор, он пошел в штаб, а женщина присела на крылечке.

Капитан Шергаев собирался уходить на пенсию, и поэтому лежал в госпитале на обследовании. Его замещал Агонов. Уверенный в том, что начальник больше не появится в своей прежней должности, Павел Игнатьевич располжился в его кабинете и переставил мебель по своему вкусу.

Когда раздался стук в дверь, он, чувствуя себя ещё неудобно в новом кабинете, хотел крикнуть: «Войдите!» — но передумал. Через окно он увидел машину. Поспешил навстречу.

Вошёл шофёр.

— Ну и дорога к вам, — сразу начал жаловаться, здороваясь на ходу.

Агонов с готовностью пожал руку шофёра. «Может, этот неуклюжий сержант привез рапорт о назначении», — тешил себя надеждой Павел Игнатьевич.

— На восьмом километре брёвна прогнили. Завтра их будут менять. А так, по-моему, лежнёвка в порядке, — оправдывался Агонов, пододвигая стул сержанту.

— Звонили к вам, звонили. А всё бес толку.

— Половодье... Несколько столбов в трясину ушло. Завтра новые поставим.

— Послали приказ вам вручить, — сержант вынул из нагрудного кармана вчетверо сложенную бумажку и отдал Агонову. — А на словах просили передать, чтобы Свичарская не задерживалась. Завтра утром отходит поезд. А в управлении ей надо ещё забрать документы.

«При чём тут Свичарская», — недоумевал Агонов.

Но когда Павел Игнатьевич прочитал приказ, он понял всё. Увольнялась Свичарская, а о нём и не упоминалось. Он посмотрел даже на обратную сторону приказа. Бумага была чистая.

— Сколько понадобится времени Свичарской, чтобы сдать дела? Я должен забрать её.

«О чём он? — Агонов, не понимая, посмотрел на сержанта. — Толстогубый баран... Свичарская... Свичарская...» Он чуть было не закричал от злости, но сдержал себя.

— Чёрт её знает, — грубо ответил Агонов. — Она в кабинете. Договаривайтесь сами.

— Я тут старуху одну привёз, — сказал сержант, собираясь уходить. — Дочь у неё здесь заключённая... Хочет повидаться с ней.

— Кто тут начальник? — взорвался Агонов. — Я или кто? Свидания запрещены. Забирайте её отсюда, и чтобы духу не было...

Валентина Антоновна сдала дела Кротовой. Угостив шофёра и старуху украинским борщом, начала укладывать вещи. Старуха, поблагодарив Свичарскую за гостеприимство, начала жаловаться:

— Юра говорит, что ваш главный не разрешает с дочкой повидаться... а мне обещали...

— А к кому вы приехали, бабушка, — поинтересовалась Валя.

— К доченьке своей...

— Как её звать?

— Марфенькой звать её, деточка, Марфенькой... Николаевой...

Валя вздрогнула и выпустила из рук вазу. Она ударилась о край стола, раскололась на две части и, соскользнув на пол, рассыпалась на мелкие осколки.

— Что же ты так неосторожно, — пожурила старуха Валю. — Такую дорогую вещь разбила.

Валя проглотила застрявший в горле комок:

— Нет её тут, бабушка.

— Неужто перевели куда?

— Да, перевели.

— А далече?

— Далеко...

— Вот ведь какие люди разные на свете, — она повернулась к шоферу. — В прошлый-то раз сам начальник со мной беседу имел. И к поезду доставил. А почему так? — рассуждала старуха. — Всё дело от ума. Ум с годами приходит. А этот? Господи, зелёный совсем, а уж важничает... Я в стекло глядела, как он пыжится... Ну, всё одно что птенец воробушкин.

Когда загрузили вещами машину, старуха начала слёзно просить Свичарскую:

— Умирать буду скоро. Так ты мне, доченька, скажи, как найти Марфеньку?

Валя молчала. Она не знала, что ответить женщине. Только крепко прижимала к себе сына, глаза которого потускнели и не мигая смотрели вдаль. Она еле сдерживала слезы.

— Вы не волнуйтесь, бабушка. Поезжайте домой. Скоро дочку освободят... Будете вместе...

— Ох, чует моё серденько, не увижу я её больше, — переживала уже в кабине старуха.

Свичарская с сыном устроились в кузове и, обняв друг друга, тоже плакали.

— Прощай, Север! — сквозь слёзы прошептала Валя, когда машина осторожно двинулась с места, как бы шупая пригорок, на котором только что стояла, боясь съехать с него мимо лежневки, в болото.